

<https://doi.org/10.18778/0208-6050.55.09>

Геннадий Ф. Матвеев

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1926 г. В ПОЛЬШЕ

В литературе существует устойчивое и разделяемое большинством исследователей мнение о том, что уже в первой половине 1920-х гг. парламентаризм в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы – многие из которых появились на политической карте мира в самом конце 10-х гг. XX в. – переживал глубочайший кризис, в конечном счете разрешившийся установлением в большинстве из них авторитарных режимов. Несомненно, что это убеждение базируется на ленинском учении об общем кризисе капитализма в эпоху империализма, во многом справедливом для своего времени, но впоследствии чрезмерно политизированном и догматизированном. Перенесение центра тяжести исследований в область классовых отношений вело к недостаточному вниманию к политическим, национальным, государственным, социально-психологическим и иным аспектам проблемы упадка парламентаризма и – вследствие этого – к искажению реальной картины исторического процесса.

Как представляется, особенно „не повезло” социально-психологическому направлению исследований, т. е. выяснению причин того, почему общество в ряде стран с удивительной легкостью отказалось от парламентской формы правления в пользу авторитарной, не только не оказало сопротивления, но часто и поддерживало организаторов государственных переворотов. По этому поводу существуют однозначные свидетельства современников. Так Винценты Витос, вспоминая о настроениях варшавян в дни государственного переворота Юзефа Пилсудского, писал: „Мне казалось, что все, что осталось живого в Варшаве, обратилось против нас”¹, т. е. против созданного в полном

¹ W. Witos, *Moje wspomnienia*, t. 3, Paryż 1965, с. 97.

соответствии с практикой польского парламентаризма правительства. Сравнивая события, связанные с приведением к присяге президента Габриеля Нарутовича, с ситуацией в мае 1926 г., этот же политик с горечью отмечал, что „национальные организации (т. е. сторонники правых – Г. М.) не выдержали экзамена совершенно [...] какая большая разница между 1922 и 1926 гг.! Тогда национальные элементы полностью господствовали на улице, а что сейчас?”²

Даже два этих небольших замечаний одного из крупнейших польских политиков межвоенного периода красноречиво свидетельствуют о колоссальных сдвигах, произошедших в общественных настроениях в относительно короткое время и не в последнюю очередь ставших причиной того, что парламентский кабинет, имевший за собой большинство в сейме, подал в отставку. Общество, еще не так давно горячо поддерживавшее сторонников парламентской формы правления, в мае 1926 г. в подавляющей своей части отдало свои симпатии противникам парламентаризма, а затем – спустя несколько лет – вновь круто изменило свою позицию и стало требовать восстановления демократии. Дать научное объяснение этому феномену – одна из задач исторической науки.

При изучении социально-психологических аспектов поведения общества особенно важны, по нашему мнению, две категории социальной психологии: настроения и убеждения. Как известно, настроения не являются чем-то устойчивым, константным. Они подвержены существенным и часто весьма быстрым колебаниям от состояния безграничной эйфории и чрезмерных ожиданий до апатии, полного разочарования и даже ненависти к недавнему объекту поклонения. Настроения формируются не только стихийно, в процессе оценки отдельными индивидами и общественными группами своего положения, его соответствия ожиданиям, но и целенаправленным воздействием политических сил и их пропаганды. Особенно если это касается областей, с которыми прямо и непосредственно не сталкивается индивид или социальная группа. Существует определенная, хотя не всегда и далеко не всеми индивидами осознаваемая зависимость, связь между настроениями и убеждениями, в том числе и политическими.

В отличие от настроений, присущих всем индивидам, политические убеждения свойственны более ограниченному кругу людей. Как правило, это политически активная часть общества, объединенная в партиях и организациях политического толка. Роль таких людей невелика ни в демократических, ни в тоталитарных или авторитарных государствах. Политические убеждения, как правило, устойчивее настроений. Чаще

² Там же, с. 97.

имеют под собой рациональные, а не эмоциональные основания, артикулированы в виде различных идеологических концепций и программ, активны в отношении неединомышленников и политически индифферентной части общества. Политические партии не могут не учитывать существующих настроений своего потенциального электората, вынуждены ориентироваться на них в своей политической деятельности, пропаганде и т. д.

Последнее обстоятельство весьма ценно для исследователей, обращающихся к области социальной психологии применительно к периодам, когда не проводилось независимых опросов общественного мнения, но массы уже являлись объектом активного воздействия различных политических сил. Совокупное изучение материалов прессы и публицистики партий с точки зрения направленности их содержания на достижение желательной реакции общества позволяет – как представляется – в самых общих чертах реконструировать те настроения, которые были присущи социальной среде в определенные моменты. Если разные партии активно внушают своим читателям какое-то сходное мнение, то это значит, что в обществе существуют настроения, благоприятные для его восприятия. Мнение, не созвучное определенным настроениям – бесплодно, оно не влияет на настроения. Поэтому политические партии не могут не следить постоянно за социально-психологическим состоянием общества.

Поскольку государственный переворот Пилсудского был направлен против существовавшего в Польше парламентаризма, то весьма важным представляется вопрос о том, почему в глазах общественности произошла столь быстрая его дискредитация.

Независимое польское государство имело форму парламентской республики, ключевым звеном которой – по конституции 1921 г. – был двухпалатный парламент, точнее одна из его палат – сейм. Парламент обладал не только законодательной, но и контрольной функциями в отношении исполнительной власти, представленной правительством и президентом. Исключительная роль парламента подчеркивалась и тем, что это был единственный высший орган государственной власти, избиравшийся путем всеобщих выборов, что он мог быть досрочно распущен только по собственной воле. Вопрос о соотношении отдельных ветвей власти был решен в соответствии с одним из основополагающих демократических принципов, гласящим, что власть в государстве принадлежит народу, от имени которого ее осуществляет парламент, состоящий из избранных народом депутатов и сенаторов.

Для понимания причин слабости парламентской системы в Польше следует особо сказать о порядке выбора членов представительного органа. Депутаты избирались в ходе прямых, всеобщих равных выборов

путем тайного голосования, а мандаты распределялись в многомандатных округах пропорционально количеству поданных за отдельные партии голосов. Принцип пропорционального представительства также относится к наиболее демократическим. Он позволяет максимально полно учитывать волю подавляющего числа избирателей.

Именно эти два наиболее безупречных с теоретической точки зрения принципа во многом предопределили слабость польского парламентаризма и способствовали его быстрой гибели. Конечно, немаловажную роль сыграли и другие факторы объективного и субъективного свойства, многие из которых неплохо освещены в литературе.

В условиях значительного колебания общественных настроений под влиянием экономических, политических, международных факторов не исключен момент, когда парламент перестает более или менее адекватно отражать интересы избирателей. А если учесть, что депутаты в основной своей массе избирались по партийным спискам и при голосовании по наиболее важным государственным вопросам подчинялись партийной дисциплине, то оказывалось, что нередко в своих решениях они исходили не из интересов своих избирателей, а партий. В глазах части избирателей парламент переставал быть выразителем интересов общества, возникала дихотомия „мы” – „они”, являющаяся основой всякого социального конфликта. Конечно, исключить полностью определенную алиенацию парламента от общества не может ни одна из моделей государственного устройства. Однако ее глубину можно существенно уменьшить, если правящая партия достаточно последовательно и полно реализует свою избирательную программу. Но принцип пропорциональности, предусмотренный избирательным законом, практически исключал возможность получения какой-либо из партий абсолютного большинства в парламенте, а тем самым и формирование сильного однопартийного правительства.

В связи с этим Польша была „обречена” на существование или коалиционных, или внепарламентских правительств, создававшихся в тех случаях, когда по каким-то причинам еще не была готова следующая парламентская коалиция. Формально правительства „специалистов” не руководствовались в своей деятельности узкопартийными интересами и программами, но фактически и в этом случае контроль оставался за парламентом. Без согласия представленных в нем партий, особенно крупных, такое правительство, если только оно не получало чрезвычайных полномочий на определенный срок, неизбежно должно было считаться с мнением парламентариев и – следовательно – проводить только ту политику, которая устраивала парламентские фракции, т. е. политику компромиссную, непоследовательную

и противоречивую, по существу мало отличавшуюся от политики коалиционных кабинетов.

Преодолеть „конструктивные“ недостатки польского парламентаризма без изменения избирательного закона и ряда статей конституции практически было невозможно. Из этого тупика было только два выхода. Можно было пойти легальным, предусмотренным конституцией путем и изменить закон о выборах таким образом, чтобы уменьшить раздробленность сейма и добиться большей устойчивости правительств. При этом сейм по-прежнему сохранял бы свою ключевую роль в управлении государством. Второй путь – прибегнуть к насильственным мерам для того, чтобы добиться перераспределения полномочий между парламентом и правительством в пользу последнего. В этом случае, даже при сохранении парламента, реальная власть переходила бы даже не столько к исполнительным институтам, сколько к силе, которая осуществила бы эту акцию. Этот путь с неизбежностью вел к изменению сущности парламентаризма, к установлению авторитарной формы правления и превращению парламента в декоративный орган.

Следует сказать, что еще в процессе подготовки конституции и избирательного закона многие политики, особенно правые и центристы, указывали на эти слабые стороны польского парламентаризма. Но их мнение не было принято в расчет в силу целого ряда тактических и стратегических соображений отдельных партий³.

Общественные настроения во многом определяются тем, в какой степени властные структуры в состоянии обеспечить удовлетворение потребностей и чаяний индивидуумов и общественных групп. Способны ли они проводить последовательную и эффективную политику, отвечающую ожиданиям если не всего общества, то – по крайней мере – большей его части. Далеко не всякого индивида волнует вопрос, сформировано ли данное правительство с соблюдением конституционной процедуры, достаточно ли оно легитимно. Для него важно, чтобы правительство было прочным, результативным и заботящимся об общественной пользе. В противном случае у правительства нет никаких надежд на общественную поддержку. Если отчуждение между обществом и правительствами приобретает хронический характер, то резко снижается авторитет и влияние на общество того органа, который формирует кабинеты, будь то парламент или президент.

„Конструктивные“ недостатки и изъяны польского парламентаризма во всей своей полноте проявились в 1922–1926 гг. Политическая раздробленность сейма (17 фракций в начале 1923 г. и 26 фракций

³ См. подробнее: А. Ајненкиел, *Spór o model parlamentaryzmu polskiego do roku 1926*, Warszawa 1972, с. 165–254.

в начале 1926 г.) стала причиной того, что в относительно короткий срок были испробованы практически все возможные варианты правительств. Правительство Владислава Сикорского пользовалось поддержкой левых и центристских партий, правительство В. Витоса опиралось на правых и центр, правительство Владислава Грабского было внепарламентским кабинетом, Александра Скиншиньского – состояло из представителей правых, центристов и левых, а 10 мая 1926 г. вновь было сформировано право-центристское правительство В. Витоса. Таким образом, у общественности была полная возможность убедиться в эффективности каждого из них, а тем самым и в эффективности парламентаризма в целом.

Парламентские коалиционные правительства оказались весьма недолговременными, срок их существования колебался от недели до полугода. За это время они не всегда даже успевали выработать правительственную программу по наиболее насущным вопросам экономической и политической жизни, а те важные законы, которые принимались по их инициативе, чаще всего вызывали сильное недовольство в обществе. Наибольшее разочарование, пожалуй, вызвал закон об аграрной реформе, который в полной мере не устраивал ни одну из заинтересованных сторон, то есть значительную часть крестьянства и помещиков. Выражением несогласия с принципами изъятия и перераспределения земли в крестьянской среде стали расколы в ПСЛ-„Пяст”, ПСЛ-„Вызволене”, переход последнего в 1925 г. на весьма радикальные позиции, выдвижение им требования конфискации помещичьей земли без выкупа, создание Независимой крестьянской партии и Крестьянской партии. Неспособность парламентских правительств в 1922–1923 гг. справиться с прогрессирующей инфляцией привела к обесцениванию сделанных крестьянами в предшествующие годы накоплений. Для многих из них это означало крах надежд на приобретение земли, самой главной жизненной ценности.

Закон об аграрной реформе не устраивал помещиков, поскольку допускал возможность принудительного изъятия их земельной собственности. Свое недовольство они направили в основном против национальных демократов, имевших крупнейшую парламентскую фракцию и обещавших во время избирательной кампании защищать их интересы. Начиная с 1924 г. значительная часть помещиков в своих симпатиях начинает переориентироваться на Пилсудского, монархистов, консерваторов и т. д., то есть на силы, не отличавшиеся особой приверженностью парламентаризму. Парламентские правительства не решились на отмену ограничений на экспорт сельскохозяйственной продукции, что раздражало и помещиков, и часть крестьян.

На время существования парламентских кабинетов приходится серьезные трудности в развитии несельскохозяйственных отраслей экономики: гиперинфляция 1923 г. и резкий рост числа безработных на рубеже 1925–1926 гг. Выход из экономических трудностей парламентские правительства видели прежде всего в снижении жизненного уровня лиц наемного труда, ограничении социальных прав, сокращении государственных расходов и т.д. В качестве примера можно привести предложенную 14 апреля 1926 г. министром финансов в правительстве А. Скиншинского Ежим Здеховским программу достижения бюджетного равновесия. Она предусматривала введение временной 10% надбавки на все налоги, кроме имущественного и таможенных пошлин, введение налогов на помол зерна и осветительные электроприборы, сокращение жалования государственным служащим, сокращение размеров пенсий и пособий инвалидам, увольнение из армии части офицеров и сокращение 18 тыс. железнодорожников⁴. Ответом на протесты трудящихся против ухудшения их материального положения были репрессии властей, в том числе и с применением огнестрельного оружия, как это было в Бориславе и Кракове в 1923 г. или Заверце и Влоцлавке в начале 1926 г.

Даже беглый обзор результатов деятельности парламентских кабинетов однозначно свидетельствует о том, что они не могли сыскать авторитета практически ни у одной из социальных групп. Престиж сейма в обществе постоянно падал. Росли разочарования и недовольство им. Общественные настроения все больше склонялись к необходимости поиска каких-то альтернативных существующему парламентаризму форм организации управления государством.

По-иному оценивалась деятельность внепарламентского правительства В. Грабского, самого большого „долгожителя” из всех кабинетов до 1926 г. Это правительство просуществовало почти два года. Оно пришло к власти в один из наиболее критических моментов, когда парламент после отставки правительства „Хьена-Пяст” не мог сформировать нового правительственного большинства. Пользуясь этим, В. Грабскому удалось получить чрезвычайные полномочия в деле стабилизации финансов, т. е. существенно ограничить контрольные функции сейма в отношении исполнительной власти.

По сравнению с парламентскими правительствами, В. Грабский добился фантастических результатов. Была стабилизирована польская марка и введена новая, обеспеченная золотом, денежная единица – злотый. Отменены ограничения на аграрный экспорт, заметно оживилась экономика. Вместо открытого наступления на жизненный уровень широких слоев населения в целях повышения устойчивости финансовой системы, В. Грабский ввел специальный имущественный налог в размере

⁴ Archiwum Akt Nowych, Posiedzenia Rady Ministrów, Pos. 22, 17 IV 1926, t. 33, k. 81–83.

1 млрд злотых, которым облагались только крупные собственники. Возникавшие социальные конфликты решались путем переговоров и взаимных уступок. Удалось покончить с партизанским движением на Западной Украине и Западной Белоруссии. Ухудшение экономической ситуации в 1925 г. и некоторая дестабилизация злота были связаны во многом с развязанной Германией против Польши таможенной войной, т. е. с воздействием внешнего фактора. Вне всяких сомнений, по своей результативности кабинет В. Грабского существенно превосходил парламентские правительства, что обеспечивало ему достаточно высокий авторитет в обществе. Не случайна резко отрицательная реакция правых партий и Пилсудского на предложение президента Польши Станислава Войцеховского, сделанное в начале мая 1926 г., сформировать новое внепарламентское правительство во главе с В. Грабским⁵. Вряд ли Пилсудский получил бы предлог для военного путча, если бы кабинет сформировал популярный в обществе В. Грабский.

Сравнение результатов деятельности парламентских и внепарламентских кабинетов в Польше в 1922–1926 гг. дает достаточные основания для утверждения, что общественные симпатии в силу объективных причин не могли быть на стороне парламента, что степень отчуждения между ним и обществом была угрожающе велика.

Дискредитации парламентаризма во многом способствовала и пропаганда политических партий. Первыми, уже в 1924 г., пересмотра избирательного закона и конституции стали добиваться национальные демократы. К ним присоединились другие правые, а также и центристские силы. В феврале–апреле 1926 г. произошло сближение позиций правых и центристских партий по вопросу об основных направлениях реформирования польского парламентаризма. Они сошлись на том, что прежде всего следует изменить порядок роспуска парламента, а также закон о выборах. Тема необходимых перемен в польском парламентаризме в первой половине 1926 г. отчетливо выбивалась на первый план на страницах правой и центристской прессы, в выступлениях крупнейших и авторитетнейших политиков в сейме, на митингах и собраниях. Стихийные общественные настроения недовольства усиливались целенаправленной партийной пропагандой.

Не менее резкая критика парламентаризма звучала и из уст Пилсудского, отошедшего после 1923 г. в тень, но не расстававшегося с мыслью вновь вернуться на вершину государственной пирамиды. Существовавшая в Польше модель парламентаризма исключала такую возможность. Склонить чашу весов в свою пользу Пилсудский мог только силовым путем. Поэтому он использовал любую возможность для дискредитации и уничтожения парламента, развернул шумную

⁵ J. Piłsudski, *Pisma zbiorowe*, t. 8, Warszawa 1937, с. 332.

кампанию против „сеймовластия”, обвинял его в коррумпированности, забвении национально-государственных интересов и т. д.

Весьма сложной была ситуация левых партий, прежде всего ППС, ПСЛ-„Вызволене” и Крестьянской партии. Эти партии теоретически стояли на достаточно последовательных демократических позициях, но они также видели недостатки существующего парламентаризма, его слабость и низкую эффективность. Тесное взаимодействие ПСЛ-„Пяст” и христианских демократов с национальными демократами лишало их возможности сформировать лево-центристское большинство в сейме. Поэтому левые партии все больше склонялись к признанию необходимости досрочного роспуска сейма и проведения новых выборов на основании прежнего закона о выборах. А поскольку надежд на самороспуск сейма не было, то они не прочь были поддержать Пилсудского, если он решится на вооруженный путч и разгон парламента. Не случайно в конце апреля – начале мая 1926 г. одним из основных лозунгов ППС становится „За новый сейм на основе прежнего избирательного закона, за рабоче-крестьянское правительство”. Левые партии настойчиво твердили, что они не признают правоцентристское правительство большинства, и в случае его создания оставляют за собой право на свободу действий, хотя оно формировалось в полном соответствии с конституцией. Следовательно и левые партии на практике не выступили защитниками польского парламентаризма образца 1921 г. Их отношение к нему имело чисто инструментальный характер.

В условиях, когда порожденное объективными причинами общественное недовольство сеймом „срезонировало” с антипарламентской пропагандой всех без исключения политических сил страны, судьба существовавшей в Польше модели парламентаризма была предрешена. В споре между его реформаторами и могильщиками общественные настроения оказались на стороне Пилсудского, который не нес ответственности за все трудности и разочарования, выпавшие на долю поляков в предшествующие маю 1926 г. месяцы.

Gennadij F. Matwiejew

**SPOŁECZNO-PSYCHOLOGICZNE ASPEKTY
PRZEWROTU PAŃSTWOWEGO W 1926 R. W POLSCE**

W literaturze historycznej panuje pogląd, że w większości powstałych po I wojnie światowej państw w Europie Środkowej i Południowo-wschodniej wprowadzony system parlamentarny, po krótkim czasie, został odrzucony przez elity polityczne oraz znaczną część społeczeństwa,

przeradzając się w system rządów autorytarnych. Przyczyn tego zjawiska nie wyjaśnia do końca, przyjmowana przez badaczy problemu, leninowska teza o ogólnym kryzysie kapitalizmu w epoce imperializmu.

Teza ta nie objaśnia przyczyn, które spowodowały, iż społeczeństwa w analizowanych krajach, z zadziwiającą lekkością (łatwością) odchodziły od parlamentarnych form władzy na rzecz autorytaryzmu, a nawet często wspierały organizatorów przewrotów państwowych. Jak doszło do tego fenomenu politycznego – to jedno z ważnych zadań nauki historycznej.

Wyjaśnienia tego zjawiska politycznego należy szukać w społeczno-psychologicznych aspektach zachowania się społeczeństwa, wydzielając dwie podstawowe kategorie tegoż zachowania: nastroj i przekonanie. Te dwie postawy czy kategorie zachowania społecznego stanowią przedmiot rozważań i analizy badawczej niniejszej pracy opartej na przykładzie przewrotu państwowego w Polsce w maju 1926 r.